

78.

ЛЮБОВЬ ОПРИЧНИКА.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ КАРТИНЫ

въ 3 дѣйствіяхъ

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ІОАННА ГРОЗНАГО.

СОЧ. А. ПАЗУХИНА.

Сюжетъ заимствованъ изъ поэмы Лермонтова
«Пѣсня про Царя Іоанна Васильевича Грознаго».

ЯРОСЛАВЛЬ.

1877.

ЛЮБОВЬ ОПРИЧНИКА.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ КАРТИНЫ

въ 3 дѣйствіяхъ

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ІОАННА ГРОЗНАГО.

СОЧ. А. ПАЗУХИНА.

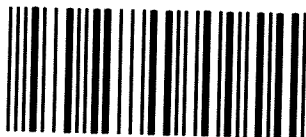
Сюжетъ заимствованъ изъ поэмы Лермонтова
«Пѣсня про царя Іоанна Васильевича Грознаго»

ЯРОСЛАВЛЬ.

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

1877.

Дозволено цензурою. Москва. 12 апрѣля 1877 года.

2007054542

ОТЪ АВТОРА.

Любители сценическаго искусства часто ищутъ для постановки на домашнемъ, или вообще на любительскомъ спектаклѣ, чего либо историческаго, съ красивой, но въ тоже время и удобной для такого спектакля обстановкой, но въ большинствѣ случаевъ поиски ихъ остаются тщетны: у насъ такихъ піесъ нѣтъ. Всѣ историческія драмы требуютъ или много лицъ, или слишкомъ роскошной обстановки, или наконецъ трудны для любителей, а иногда и то, и другое и третье. Эта піеса не имѣетъ ни одного изъ сказанныхъ неудобствъ и посвящается мною для домашнихъ любительскихъ спектаклей

А. Пазухинъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Іоаннъ Грозный.

Кирибеевичъ, любимый опричникъ его.

Князь Вяземскій.

Степанъ Парамоновичъ Калашниковъ, богатый
Московскій купецъ.

Елена Дмитріевна, его жена.

Маша, ея сестра.

Василій, старикъ-слуга Калашникова.

Хлопка, царскій плясунъ.

Двѣ дѣвушки, подруги Маши.

Два царскіе стольника.

Палачъ.

Опричники.

Царскіе музыканты.

ДѢЙСТВІЕ I.

*Комната въ покояхъ Царя. Посреди сцены столъ, накры-
тый на три прибора; одно мѣсто Царя, по бокамъ скамьи,
покрытыя коврами.*

ЯВЛЕНІЕ I.

Кирибеевичъ и Вяземскій стоятъ не вдалекъ отъ стола.

Вяземскій.

Нѣтъ, не скрывай, Кирибеевичъ—у тебя на сердцѣ
есть какое-то тяжелое горе... Полно, другъ, не горюй!
Цей вино, веселись больше и повѣрь все какъ рукой
сниметь, а главное подѣлись съ кѣмъ нибудь своимъ
горемъ: будетъ легче, да, авось, и совѣтъ подадутъ.
Вотъ хоть бы мнѣ отчего не открыть своего горя?
Кажись, мы друзья давнишніе.

Кирибеевичъ.

Нѣтъ, князь, у меня нѣтъ никакого горя...

Вяземскій.

Вона! Вѣдь я не ребенокъ, вижу. А отчего же ты
ходишь словно въ воду опущенный? Ни богатства, ни
друзья—ни что не веселитъ тебя! Вотъ хоть бы те-
перь—самъ Царь позвалъ насъ къ своему столу—дру-

гой бы отъ этого просто съ ума сошелъ, а тебѣ все ни по чемъ! Скажи, облегчи свою душу.

Кирибеевичъ (*ходитъ*).

Да, князь, у меня есть лютое горе! Горе, которое сосетъ мое сердце, какъ змѣя, и никто не поможетъ мнѣ! Только въ могилѣ найду я покой...

Вяземскій.

Что же за горе такое? Тебя Царь любить больше всѣхъ, открой ему,—онъ тебѣ поможетъ.

Кирибеевичъ.

Нѣтъ, даже самъ Царь невластенъ помочь мнѣ!

Вяземскій.

Ума не приложу! Что же за горе такое, отъ котораго даже самъ Царь не поможетъ?

Кирибеевичъ (*подходитъ къ Вяземскому*).

Князь! я люблю, безумно люблю жену купца Калашникова! Я жить безъ нея не могу! Ну, теперь скажи, что можетъ помочь мнѣ? Нѣтъ, князь, только татарская пуля поможетъ мнѣ, и я пойду въ степи: пусть меня убьютъ татары, здѣсь мнѣ дѣлать нечего!.. (*сидитъ къ столу и опускаетъ голову*).

Вяземскій (*задумчиво ходитъ*).

Да, другъ Кирибеевичъ, плохо же твое дѣло.

Кирибеевичъ.

Да, ужъ мнѣ не видать больше радостей на этомъ свѣтѣ! Умру я гдѣ нибудь въ татарской стени и разтащатъ мои кости волки да вороны...

Вяземскій.

Э, полно, полюбилъ, да не тяга—брось! Я, братъ, самъ любилъ много разъ: коли и меня любятъ—радуюсь, а коли нѣтъ—погуляю съ лихими товарищами

два-три дня—и все какъ съ гуся вода! Забудь и ты ее; поѣдемъ послѣ обѣда въ слободу, созовемъ всѣхъ нашихъ, да и гульнемъ такъ, чтобы чертямъ было тошно—вотъ и горя какъ не бывало!

Кирибеевичъ.

Никогда не забыть мнѣ ее! Если бъ ты видѣлъ ее! Смотрить она своими голубыми очами, какъ голубка бѣлая, ходить, какъ пава плыветъ, на щекахъ словно алая заря загорѣлася, а косы, косы у ней какія, князь! Какъ выйдетъ она въ бархатной душегрѣйкѣ на улицу, да приподыметъ фату, такъ не знаю что со мной дѣлается!

Опостылѣлъ мнѣ бѣлый свѣтъ, князь. Не надо мнѣ ни богатства, ни знатности; не радуется ни сила молодца, ни конь, ни сабля булатная. Зачѣмъ мнѣ все это! Я захочу, такъ червонцами выкладу всю Красную площадь, одинъ разобью десятокъ отборныхъ бойцовъ, сабля моя лучшая во всѣй опричинѣ, да за чѣмъ мнѣ все это? Передъ кѣмъ я похвастаюсь этимъ? Она и не взглянетъ на меня,—она любитъ другаго! Эхъ, князь! еслибъ ты зналъ, какъ тяжело мнѣ!..

ЯВЛЕНІЕ II.

Входятъ два стольника и ставятъ на столъ кушанья.

1-й стольникъ.

Сейчасъ идетъ Царь.

2-й стольникъ.

Онъ вышелъ изъ опочивальни и приказалъ позвать сюда тебя, князь, и Кирибеевича.

Кирибеевичъ.

Что Царь веселъ сего дня?

1-й стольникъ.

Онъ сегодня очень веселъ, даже приказалъ простить разбойника Грача, котораго уже вели на казнь.

Вяземскій.

Вотъ видишь, Кирибеевичъ,—открой ему свое горе. авось, онъ и поможетъ тебѣ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Слышна музыка и звонъ колоколовъ. За сценой брякаетъ оружіе. Средняя дверь отворяется и входитъ Царь въ сопровожденіи опричниковъ и музыкантовъ. Опричники и музыканты становятся у стѣны, Царь идетъ къ своему мѣсту. Выходятъ Кирибеевичъ и Вяземскій кланяются.

Царь.

Здравствуйте! Ну, вотъ какъ я люблю васъ: сажаю за свой Царскій столъ. Помните же мои милости.

(Кирибеевичъ и Вяземскій низко кланяются).

Вяземскій.

Царь, ты знаешь, что мы готовы положить за тебя свои головы!

Царь.

Я увѣренъ въ этомъ, князь, а коли-бъ не такъ, за что же бы я отличилъ васъ отъ всѣхъ прочихъ? Мало ли у меня молодцевъ вотъ хоть бы эти? *(указываетъ на столицъ опричниковъ)* молодцы—и они за меня рады и въ огонь, и въ воду, а все же я люблю васъ больше всѣхъ.

Вяземскій *(кланяясь)*.

Повѣрь, Царь, что мы рѣчные твои холопы и навѣкъ преданы тебѣ душой, и тѣломъ.

Царь.

Вѣрю, вѣрю. Ну, садитесь, добрые молодцы, отвѣдайте моего хлѣба-соли.

(Вяземскій и Кирибеевичъ садятся).

Царь.

Я люблю обѣдъ веселый: подите позовите сюда Хлопку да пусть играетъ музыка—потѣшите меня.

(Нѣсколько человекъ уходятъ за пласуномъ, музыка поднимается ближе къ столу).

Царь *(Кирибеевичу)*

Ты что, удалецъ, сидишь повѣся голову, а? Али какая красавица задѣла сердце молодецкое? Иль горе какое приключилося?

Кирибеевичъ.

Нѣтъ, Царь, горя у меня нѣтъ никакого, а такъ—что-то недужится...

Царь.

Пустое! Всѣ недуги улетятъ, коли весело жить будешь. *(За сценой слышны пѣсни и музыка).* Вонъ слышишь, гуляютъ добрые молодцы, Царя веселятъ, гуляй и ты!

ЯВЛЕНІЕ IV.

(Иходитъ Хлопка. Стольники вносятъ кушанья и вино).

Царь.

А, вотъ и Хлопка! Ну весели, Царя, спляши намъ лихую пляску—*(музыка)* а вы играйте, да веселѣй: сегодня у меня радость получилъ отъ гонца вѣсточку, что мои лихіе стрѣльцы разбили войско Стефана Баторія.

Хлопка.

Радъ потѣшить Царя-батюшку, на то мы и холопы твои... Ну, заигрывай!

(Музыка играетъ плясовую, Хлопка пляшетъ).

Царь.

Молодецъ! *(Стольнику)* Дай ему вина. Погоди—налей въ мой кубокъ венгерскаго, подай и имъ всѣмъ. Выпейте за мое здоровье.

(Стольники разносятъ вино).

К. Вяземскій *(встаетъ съ кубкомъ).*

Выпьемъ же за здоровье Царя-батюшка, да живеть онъ многія лѣта и утѣшаютъ его всѣ православные! *(пьетъ)* и погибнуть всѣ враги его, какъ этотъ кубокъ! *(Бросаетъ кубокъ на полъ. Всѣ кричатъ ура и пьютъ; Кирибеевичъ, прикоснувшись къ кубку, ставитъ его на столъ).*

Царь *(ударивъ въ полъ жезломъ).*

Это что? Ты не пьешь за мое здоровье? Что ты? А ли думу какую нечестивую таишь, али не радуешь тебя радость моя? Берегись, холопы! Крѣпко ли у тебя на плѣчахъ голова держится?..

Кирибеевичъ *(встаетъ и кланяется).*

Не гнѣвайся, Царь, что не осушилъ я за твое здоровье кубка—нейдетъ мнѣ вино въ горло, не залить мнѣ имъ своего горя, не запотчивать думу черную,—а коли прогнѣвалъ тебя—прикажи отрубить голову:—тяготитъ она мои плѣчи богатырскія и словно свинцовая клонится къ сырой землѣ!..

Царь.

Да что у тебя за горе такое?—али денегъ мало? али конь любимый палъ? Ужь, что добраго, не сбиль ли тебя на кулачномъ бою какой нибудь удалой молодецъ?

Кирибеевичъ.

Не родилась еще та рука заколдованная, чтобъ сбить меня! богатства у меня, по твоей милости, дѣвать некуда; кони лучшіе по всѣй Москѣ... Нѣтъ, Государь, другое у меня горе...

Вяземскій.

Онъ, Царь, полюбилъ какую-то красавицу, да вотъ и таетъ словно свѣча восковая; знать, ужъ крѣпко больно запала кручина въ сердце молодецкое.

Царь.

Ха, ха, ха! Такъ объ этомъ-то ты тоскуешь? Есть объ чемъ! Ну, коли такъ, я пособлю твоему горю: вотъ тебѣ мой перстень, пошли его своей красавицѣ—если я буду сватомъ, авось, пойдетъ, а? Ха, ха, ха...

Кирибеевичъ.

Охъ, Царь, не поможешь и ты моему горю! Моя красавица за мужемъ...

Царь.

Плохо, плохо твое дѣло. Ну вы!—повеселите мово вѣрнаго слугу. Эй, Хлопка, пляши!

(Музыка и пляска).

Царь (Кирибеевичу).

Ну, полно тебѣ! Пей, гуляй—тоска пройдетъ.

Кирибеевичъ (встаетъ).

Царь! служилъ я тебѣ вѣрой и правдой, а теперь отпусти ты меня въ татарскія степи, пусть убьютъ меня татары... Отпусти, Царь!

Царь *(задумчиво сидитъ, опустивъ голову).*

Былъ такой случай: полюбилъ молодецъ чужую жену, полюбилъ такъ, хотъ въ петлю полѣзай; тосковалъ, тосковалъ, да потомъ и выдумалъ штуку: нале-

тѣлъ съ лихими друзьями, схватилъ ее, да и былъ таковъ!.. (*Кирибеевичъ жадно слушаетъ, Вяземскій киваетъ ему головой*) А? лихой парень? Ха, ха, ха! Ну идемъ, ребята! А ты не тоскуй: что за молодець, коли не придумаешь чѣмъ горю помочь... Идемъ...

(*Поднимается съ мѣста. Музыка играетъ маршъ и Иоаннъ уходитъ съ опричниками*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Кирибеевичъ и Вяземскій.

Вяземскій.

Ну, что, другъ, слышалъ сказку-то? а? Не горюй—будетъ наша твоя зазнобушка!

Кирибеевичъ.

Да, князь, я ее такъ люблю, что никакія стѣны каменные не удержатъ меня: я увижу ее, я скажу ей, что погибну—коли не полюбитъ она меня, авось пожалѣетъ, авось подаритъ хоть словомъ ласковымъ, хоть улыбнется да обогрѣетъ меня улыбкой своей!.. Грѣшное дѣло любить чужую жену, да что же мнѣ дѣлать-то? Виновать ли я, что увидалъ ее, мою яснооую красавицу? Самъ я не свой и, видно, суждено мнѣ погибнуть.

Вяземскій.

Полно горевать, Кирибеевичъ! Что за бѣда, что она за мужемъ—авось полюбитъ тебя; да вѣдь и то сказать, мужъ ее не сто лѣтъ проживетъ, ну а коли больно живущъ, такъ можно и похлопотать, чтобъ не мѣшалъ доброму молодцу! А, какъ думаешь?

Кирибеевичъ.

Полно, князь, это грѣхъ говорить. Мнѣ остается только умереть. Пойду къ ней, скажу, какъ я люблю

ее. прощусь съ ней, прощусь съ вами, друзья, и сложу свою голову въ битвѣ съ татарами—по крайней мѣрѣ смерть молодецкая! Увижу ее послѣдній разъ, ее мою милую, ясноокую!.. (*идетъ къ двери*). Я не ищу погибели ее мужа, но если встрѣчу его... не знаю... я за себя не ручаюсь... Прощай князь!..

(*Быстро уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

(*Вяземскій одинъ*).

Вяземскій.

Эхъ сгубила добра-молодца красавица, жаль только что не дѣвица, а то погуляли бы мы на его свадьбѣ... Плохо дѣло, плохо, а помочь нечемъ. Пойду ко я, погуляю съ горя съ друзьями (*Уходитъ*).

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ 2.

Комната въ домъ Калашникова. На лѣво отъ зрителей столъ, накрытый кружевной скатертью, передъ нимъ скамья. На право рѣзныя пяльцы съ раздвоеннымъ стуломъ. На задней стѣнѣ окно съ вышитой занавѣской. Въ углу на столикъ зеркало. Елена Дмитріевна сидитъ у стола, подпершись рукой, Маша вышиваетъ въ пяльцахъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Елена Дмитріевна и Маша.

Елена Дмитріевна.

Охъ, какъ грустно мнѣ, Маша! Просто не знаю что дѣлать отъ тоски, всякая работа изъ рукъ валится.

Маша.

Да отчего же тебѣ скучать, сестрица! Степанъ Парамоновичъ тебя любитъ, всего у тебя много, и право всякій завидуетъ женѣ купца Калашникова, который почти первый богатъ по всѣй Москвѣ.

Елена Дмитріевна.

Все это правда, Маша, а все мнѣ что-то грустно! Чуетъ сердце мое какую-то великую бѣду...

Маша.

Полно, сестрица, ни какой бѣды nebudeтъ; сходи ужо къ вечернѣ, а потомъ созови дѣвушекъ, поиграемъ, попоемъ, и все горе какъ рукой сниметь.

Елена Дмитриевна.

Дай-ко Богъ, а то просто покою я не знаю! А все это случилось со мной послѣ того, какъ повстрѣчался тогда намъ этотъ опричникъ царскій: остановилъ онъ тогда меня за руку, да какъ уставилъ на меня свои окайнные глаза, даже въ холодъ всю бросило! Хочу бѣжать—ноги словно приросли къ землѣ, крикнуть—голосу нѣтъ, а онъ крѣпко, крѣпко жметъ мою руку, да говорить: полюби меня, не дай погибнуть! Охъ окайнный! Чужой женѣ что говорить!.. Вотъ съ тѣхъ поръ страшно мнѣ что-то—вѣдь онъ покою мнѣ не даетъ; вотъ и сегодня иду я отъ заутрени, а онъ стоитъ на дорогѣ и смотритъ, смотритъ, а глаза горятъ, словно уголья горячіе!..

Маша.

Ты бы, сестрица, сказала мужу, онъ бы не далъ въ обиду свою жену.

Елена Дмитриевна.

Охъ боюсь, Маша! ты знаешь какъ любить меня Степанъ Парамоновичъ, сохрани Богъ, онъ убьетъ его.

Маша.

И то правда. Знаешь ли что я придумала? Скажи этому опричнику, что грѣхъ ему обижать чужую жену, что коли онъ любитъ, такъ не мучилъ бы тебя, авось онъ и отстанетъ ходить за тобой.

Елена Дмитриевна.

Страшно, Маша, не поворотится у меня языкъ говорить съ нимъ. А ужъ какъ горько мнѣ, такъ горько, что и сказать не могу! Что подумаютъ сосѣди? Видятъ

вѣдь они каждый день, какъ онъ ѣздитъ мимо моего окна на конѣ, или ходитъ за мной вездѣ. И что онъ нашелъ во мнѣ хорошаго? (*Подходитъ къ зеркалу*). Какъ и всѣ, ничего нѣтъ особеннаго! Ты, Маша, лучше,—полюбилъ бы тебя, а то полюбилъ замужнюю, грѣхъ ему будетъ!

Маша.

Нѣтъ, видно хороша ты. сестрица, коли изъ всѣхъ Москвы лучше не нашелъ. Онъ говорятъ любимецъ царскій, за него любая бы пошла!

Елена Дмитриевна.

Охъ, стерла бы я съ лица красоту свою, вырвала бы я свои косы русыя, если бъ знала, что эдакая бѣда случится!

Маша.

Не горюй, сестрица, авось одумается—оставить тебя. Забудь его.

ЯВЛЕНІЕ II.

Входятъ двѣ дѣвушки.

Маша.

А! Добро пожаловать дорогія гости!

Васъ-то и надо: вотъ сестрица что-то затосковала, повеселите-ко ее, попойте пѣсенокъ.

Дѣвушки.

Здравствуй, Елена Дмитриевна! здравствуй, Маша!

(*Цѣлуются*).

1-я дѣвушка.

Мы рады утѣшить васъ чѣмъ можемъ.

Елена Дмитріевна.

Спасибо, что пожаловали, дѣвушки. Вотъ я сей-часъ пойду принесу орѣшковъ, позабавить васъ, а вы поете намъ: такъ то хороше вы поете, милыя пташечки!

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣже безъ Елены Дмитріевны.

2-я дѣвушка *(подходя къ Машѣ).*

Что это вышиваешь, Маша?

Маша.

Да вотъ полотенце сестрицѣ, да такая что то скука напала, рада радощенька что вы пришли, и работу пока оставлю.

(Убираетъ пальцы).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Входитъ Елена Дмитріевна съ подносомъ, на которомъ орѣхи и пряники...

Елена Дмитріевна.

Кушайте, дѣвушки, да спойте ко мою любимую пѣсенку: «Лучинушку».

(Дѣвушки поютъ «Лучинушку»).

Маша.

Охъ, какая скучная пѣсня! Такъ за душу и тянетъ. Спойте ко дѣвушки что нибудь повеселѣе.

(Дѣвушки поютъ веселую пѣсню)

ЯВЛЕНІЕ V.

Входитъ Василій съ балалайкой.

Василій.

Миръ честной компаніи! Здорово красавицы! Слышу пѣсни поютъ, дай думаю и я старикъ потѣшу молодухекъ-то или сказочкой, или пѣсенкой. Бывало Парамонъ то Егорычъ, родитель муженька твоего, Елена Дмитриевна, какой ужъ охотникъ до сказокъ да до пѣсенъ былъ, царство ему небесное, замучить бывало меня: скажи да скажи сказку, право; а вотъ теперь тебя, Елена Дмитриевна, утѣшать буду... Прикажешь что ли, лебедушка бѣлая?..

Елена Дмитриевна.

Повесели, дѣдушко, повесели насъ. Кушайте, дѣвочки, а дѣдушко насъ потѣшить.

Василій (*играетъ на балалайкѣ*).

Эхъ ты старая, престарая, угорѣлая, замазаная!..

(*Подплясываетъ*).

Въ огородѣ я была,

Конопель полола,

Увидала молодца,

Ручку наколола.

Эхъ брехъ-поберехъ,

Ручку наколола!

Въ огородѣ была мать,

Меня увидала,

Принялася меня драть,

А я убѣжала.

Эхъ брехъ-поберехъ,

А я убѣжала!..

Вотъ то пѣсенка, хозяйюшка да гостьюшки! Эхъ что-то въ горлѣ пересохло!..

Елена Дмитріевна.

На, размочи, дѣдушко! (*достаетъ вино и подаетъ кружку*).

Василій (*пѣетъ*).

Спасибо, хозяйюшка. Эхъ вино-то — боярину въ пору пить. . Ну, слушайте: я еще вамъ пѣсню спою, а потомъ и сказку скажу.

Во Казани у татарь...

Входитъ Калашниковъ.

Я В Л Е Н І Е VI.

Тѣже и Калашниковъ.

Калашниковъ.

А, міръ честной компаніи! У васъ тутъ веселье. Здравствуйте дѣвушки!

Василій.

Здорово, хозяинъ! Извини, что зашелъ хозяйюшку твою потѣшить.

Калашниковъ.

Доброе дѣло, старикъ. Она тоже чай тебя попотчивала.

Василій.

Золотое сердце у твоей хозяйюшки, Степанъ Парамонычъ, — не забываетъ меня старика.

Маша.

Пойдемте, дѣвушки, погуляемте пока: вишь погода то какая ясная да теплая.

Дѣвушки.

Пойдемъ, Маша.

Уходятъ, за ними Василій.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Калашниковъ и Елена.

Калашниковъ (*садится*).

Что это ты, жена, какая пасмурная ходишь? Здорова-ли?

Елена Дмитріевна.

Слава Богу, Степанъ Пармоновичъ...

Калашниковъ.

Что же у тебя горе какое, чтоли? Ужь не приглянулся ли какой доброй молодець, не наскучилъ ли я тебѣ? (*Смѣется*).

Елена Дмитріевна.

Оставь эти рѣчи, Степанъ Пармоновичъ: знаю что шутишь, а все не годится говорить такъ.

Степанъ Пармоновичъ.

Безъ шутокъ—что то ты ужь больно грустишь. Скажи, вѣдь я не чужой тебѣ.

Елена Дмитріевна (*всторону*).

Грѣхъ таится предъ мужемъ, а сказать боюсь! Ну, что будетъ, скажу, словно легче станеть. (*Вслухъ*).

Есть у меня горе, Степанъ Парамоновичъ, приключилась со мной бѣда!

Калашниковъ.

Что такое?

Елена Дмитриевна.

Не отступно слѣдить за мной опричникъ царскій одинъ, ловить меня, говорить ласковыя рѣчи, позорить передъ людьми. обижаютъ меня непорочную!..

(Плачетъ закрывшись платкомъ)

Калашниковъ *(встаетъ)*.

Какъ? Разбойникъ, душегубъ! Обижать жену при чужемъ мужѣ!

Ужели царь потакаетъ этимъ разбойникамъ? Нѣтъ, они самовольничаютъ: я пойду къ царю, я буду бить ему челомъ—онъ уйметъ разбойника!

Елена Дмитриевна.

Не завини меня, Степанъ Парамоновичъ: я его бѣгаю какъ огня, а онъ не отстаетъ и каждый Божій день то ѣздитъ мимо оконъ, то ловить меня на улицѣ... Да вотъ смотри, смотри! Вотъ онъ ѣдетъ на конѣ, а самъ уставилъ свои очи окаянные на окно...

Калашниковъ *(подходитъ къ окну)*.

Злодѣй! Я убью его, я не дамъ ему позорить мое имя честное!

(Идетъ къ двери).

Елена Дмитриевна *(удерживая его)*.

Что ты, что ты! Удержи руку отъ грѣха страшнаго!

Калашниковъ.

Да, это грѣхъ... Я къ царю пойду, я уйму этого бусурмана!

Вонъ поскакалъ вдоль улицы: видно, увидалъ меня.

Елена Дмитріевна.

Какъ ужъ это тяжело мнѣ, Степанъ Парамоновичъ, какъ грустно, что и сказать не могу. (*Плачетъ*).

Степанъ Парамоновичъ.

Полно, жена, не плачь—я не дамъ тебя въ обиду. Вѣдь я знаю, какъ ты меня любишь... Ну, а если ты полюбишь его? О, тогда... я убью тебя, какъ змѣю подкодную!

Елена Дмитріевна.

Полно, что ты говоришь! Отъ однихъ словъ твоихъ страхъ беретъ.

Калашниковъ.

Нѣтъ, я не боюсь этого, я знаю что ты моя вѣрная жена!

Не бойся этого душегубца. Поди съ Богомъ къ дѣвушкамъ—я пойду въ лавку. Въ воскресенье я буду бить челомъ царю! онъ уйметъ этого окаяннаго. Ну, иди съ Богомъ.

(Елена Дмитріевна кланяется и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Калашниковъ одинъ.

Калашниковъ.

Господи, до чего дожили! Чужую жену обижаютъ! Словно мы бусурманы какіе! Сохрани Богъ, отъ грѣха землю русскую, вложи на разумъ царю любовь и правду къ намъ грѣшникамъ! (*Идетъ къ двери*). Ей, Василій, Василій!

(Василій входитъ).

Я В Л Е Н І Е IX.

Калатниковъ и Василій.

Василій.

Что прикажешь, хозяинъ?

Калашниковъ.

Я уйду въ лавку—смотри же береги домъ отъ злаго человѣка, жену—отъ злого глаза. А коли подкупить тебя кто—горе тебѣ: я убью тебя изъ своихъ рукъ.

Василій.

Сохрани, Богъ, Степанъ Парамоновичъ! Хоть и сталъ я старикъ дряхлый, а уберегу твой домъ отъ всякой бѣды. Какъ песь вѣрный буду беречь его. Не даромъ же родители твой и ты кормили меня. Иди съ Богомъ, будь покоенъ.

(Оба уходятъ).

Нѣсколько времени сцена остается пустой; потомъ входятъ Елена, Маша и двѣушки.

Я В Л Е Н І Е X.

Елена, Маша и двѣушки.

Маша.

Степанъ Парамоновичъ ушелъ въ лавку: давайте играть играми?

Я веселая,—люблю пѣть, играть, что такъ то сидѣть?

Елена Дмитріевна.

Веселись, Маша, пока въ дѣвушкахъ: выйдешь замужъ—много горя будетъ и веселье на умъ не пойдетъ.

1-я дѣвушка.

Какъ же играть то, Маша?

Маша.

За этимъ дѣло не станетъ, какую нибудь игру выдумаемъ...

(За сценой слышенъ звонъ сабли и лай собаки).

Всѣ.

Что это такое?

(За сценой голосъ Василия: «Кого тебѣ надо, добрый молодецъ?»—Пусти старикъ!—«Не пущу! Куда ты идешь? Иди вонъ, душегубъ!»—Пусти—худо будетъ!—«Не пущу, иди вонъ! Я закричу!» А коли такъ... вотъ же тебѣ!—Слышишь борьба и паденіе тѣла. На сценѣ всѣ въ страхъ жмутся другъ къ другу).

Елена Дмитріевна *(въ изнеможеніи опускаясь на скамью).*

Это онъ!.. Опричникъ!..

Входитъ Кирибеевичъ.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣже и Кирибеевичъ.

Всѣ.

Ай, батюшки!

Кирибеевичъ.

Не бойтесь меня, красавицы, я никакого зла вамъ не сдѣлаю: я не разбойникъ, я слуга царскій! *(Бросаетъ на полъ саблю и идетъ къ Еленѣ Дмитріевнѣ).* Здравствуй, Елена Дмитріевна! прети, что незваный пришелъ, да знать не дожидаться мнѣ было зову твоего!.

Елена Дмитріевна.

Отойди, окаянный душегубъ!..

Кирибеевичъ.

Елена Дмитріевна, сжался же ты надо мной, взгляни на меня разъ ласково, утѣшь меня! Я-ли тебя не люблю? Надѣ ли тебѣ золото, надо ли жемчуга а-ли золотой казны? Наряжу я тебя какъ парицу, все завидовать тебѣ стануть, лишь не дай ты мнѣ умерѣть смертыю лютою, поцѣлуй меня хоть послѣдній разъ на прощаніе!..

Хоть взгляни на меня!

Вбѣгаетъ Калашниковъ.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣже и Калашниковъ.

Калашниковъ.

А, ты здѣсь, разбойникъ! Ты пришелъ въ мой домъ, какъ злой татаринъ, хочешь отнять мое имя честное, позорить чужую жену!.. Такъ суди же меня Богъ и царь... Смерть тебѣ душегубецъ!

(Ударяетъ Кирибеевича въ високъ, тотъ со стономъ падаетъ мертвый)

Елена Дмитріевна.

Ай! Онъ убилъ его!..

Падаетъ безъ чувствъ. Маша и двушки подбѣгаютъ къ ней. Калашниковъ стоитъ схватившись за голову. Картина.

Калашниковъ.

Убилъ! Не стерпѣло сердце обиды кровной...

Убилъ любимого слугу царскаго!.. Сложить мнѣ голову на плаху... Оставлю я молодую вдову одну одиношеньку!.. Въ злополучный часъ, видно, я родился на бѣлый свѣтъ... Охъ, какъ тяжело .. Убійца!.. Бѣжать?... нѣтъ, нѣтъ! Пойду къ царю, отдамъ свою голову!..

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ 3.

Комната въ покояхъ царя. На право отъ зрителей большое массивное кресло подъ балдахиномъ, на которомъ сидитъ Іоаннъ въ одеждѣ инока мрачно опустивъ голову.

Вяземскій стоитъ по правую сторону кресла. Сзади кресло и у стѣны нѣсколько опричниковъ, которые шопотомъ разговариваютъ. Два рында по обѣимъ сторонамъ кресла.

ЯВЛЕНІЕ I.

Царь, Вяземскій и опричники.

Іоаннъ.

Опять неудача, опять измѣна крамольныхъ бояръ! Стефанъ Баторій на голову разбилъ мое войско, города отходятъ къ полякамъ одинъ за другимъ!.. Гибнетъ русское царство, гибнетъ народъ православный!

И виновники этому—бояра, которыхъ я допустилъ, какъ братьевъ, какъ ровныхъ къ престолу!.. О, измѣнники! Я покажу вамъ себя, я залью кровью вашей землю, которую вы оскверняете! (*Грозно стучитъ посохомъ*).

Вяземскій.

Успокойся, царь, уйми свое горе! положишься на насъ—мы твои вѣрные слуги. Прикажи—и мы разгромимъ Стефана Баторія, мы положимъ къ стопамъ твоимъ всю Польшу.

Іоаннъ.

Да, одна моя надежда на васъ. Опричники—вотъ мой народъ, а эти крамольные бояра, эти измѣнчивые купцы, эта земщина—змѣи ехидныя! Они подтачиваютъ мой тронъ...

Но они забыли—съ кѣмъ они шутятъ! О, я не боюсь васъ! У меня хватитъ топоровъ и цѣпей усмирить васъ!..

Ха, ха, ха!.. Скоро забываете милости, скоро-ли забудите гнѣвъ мой!..

Вяземскій *(въ сторону)*.

Опять гнѣвенъ онъ, опять польется кровь и, чего добраго, за свою голову не поручишься. Надо его развлечь чѣмъ нибудь. *(Подходитъ къ одному изъ опричниковъ)*.

Иди на дворъ, вели играть музыкѣ, да скажи, чтобъ сѣдлали коней и приготовились къ охотѣ. *(Опричникъ уходитъ)*

Вяземскій *(царю)*.

Забудь, царь, мрачныя думы, улыбнись, обогрѣй насъ, вѣрныхъ рабовъ твоихъ, словомъ ласковымъ!

Іоаннъ.

Радъ бы, князь, да что то не весело; утѣшусь я тогда, когда слетятъ головы измѣнниковъ, которые погубили мое войско стрѣлцкое!.. *(Задумывается)*. Не хочу ждать дольше!.. Эй, князь! Вели строить эшафотъ! Смерть этимъ лудамъ! Измѣнники, крамольники!.. *(Грозно подымается съ кресла, въ это время на дворъ слышится музыка; Іоаннъ прислушивается и садится. Музыка играетъ)*. Славно играютъ: вели, князь, дать имъ вина ..

Вяземскій.

Да, славная у тебя музыка, царь. Прикажи ко собрать соколиную охоту, разгуляй тоску въ чистомъ

полѣ. А какую погоду Богъ далъ сегодня! Самая удачная охота будетъ. Прикажи, государь: въ минуту будетъ все готово.

Иоаннъ.

А что же? хорошо это придумано—прикажи поди, князь! Да вели застѣлать мнѣ новаго коня, что прислалъ мнѣ татарскій ханъ! на этомъ конѣ я заткну за поясъ любого молодца, хоть и старъ сталъ я...

Вяземскій.

И мудростью, и доблестью воинской ты намъ примѣръ, государь! Вспомни Казань: не было такого примѣра въ ратномъ дѣлѣ, какой показалъ ты, Иоаннъ Васильевичъ!

Царь.

Казань, Казань!.. Золотое было время тогда!.. (*Задумывается*). Иди, князь, собирай охоту, хоть вспомню я свою молодость!

(*Вяземскій идетъ къ двери*).

Иоаннъ.

Постой, Вяземскій! А что не видно Кирибеевича? Али не разгулялъ онъ все тоску свою? Скажи ему, чтобъ онъ былъ на охотѣ.

Вяземскій (*въ сторону*).

Вотъ бѣда то! Что я скажу ему? Солгать—страшно, правду сказать... Скажу! Что Богъ дастъ, надо же когда нибудь говорить. (*Подходитъ къ Иоанну*). Не будетъ больше Кирибеевичъ тѣшить тебя своей удалью!

Иоаннъ.

Какъ! Что такое? Онъ умеръ?

Вяземскій (*въ сторону*).

Ну, быть бурѣ!.. (*Вслухъ*). Государь, Кирибеевича убилъ на смерть купецъ Калашниковъ за жену...

Іоаннъ (*встаетъ съ мѣста*).

Какъ! Что? Убили!.. Моего любитаго опричника, моего друга—убили!... А, измѣнники!.. Убить среди Москвы царскаго воина, любимца! Я весь родъ этихъ измѣнниковъ сотру съ лица земли!.. (*Вяземскому*). А ты что смотришь? Ты, начальникъ дружины, не могъ заступиться! Али и ты тоже переходишь на сторону этихъ отступниковъ? И тебя я велю разорвать на части, собака! Всѣ на меня, всѣ на законнаго царя, на помазанника Божія!

Вяземскій.

Пощади своихъ вѣрныхъ слугъ, царь! Ужели ты можешь думать, что мы измѣнимъ тебѣ? Да молви только слово—мы всю Москву...

Іоаннъ.

Молчи! Закрой лъстивыя уста! Всѣ вы таковы... (*Задумывается*). Гдѣ же страхъ къ царю? Гдѣ же любовь? Если осмѣливаются убивать среди моего царства мои же холопы моихъ слугъ, то что же ждать мнѣ отъ этого крамольнаго народа?! Но недолго же имъ беззаконничать!... (*Вяземскому*). Гдѣ же этотъ дерзскій, который поднялъ руку на моего вѣрнаго слугу? Али вы дали ему средство бѣжать, скрыли его отъ моего гнѣва? а?

Вяземскій.

Нѣтъ, государь, онъ въ тюрьмѣ ждетъ твоего справедливаго гнѣва.

Іоаннъ.

Дождется, скоро дождется!.. Ступай! Иди, вели строить эшафоты, ставить вѣселицы, да готовиться палачамъ—я покажу всѣмъ моимъ недругамъ, что значитъ не повиноваться и измѣнять царю Іоанну! Да пусть звонятъ въ колокола, чтобъ зналъ народъ и сходился смотрѣть, какъ будутъ летать головы царскихъ ослушниковъ! Иди, да приводи ко мнѣ Калашникова.

(*Вяземскій уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Іоаннъ и опричники.

Іоаннъ.

Много крови пролью я, много головъ слетятъ отъ взмаха топора, и все эти головы падутъ тяжелымъ грѣхомъ на мою душу!.. Но что дѣлать? Безъ этого падетъ мое царство, сгубятъ и меня кичливые бояра. (*Задумывается. Слышенъ унылый звонъ колокола и удары топоровъ*). Чу! готовится кара за измѣну и крамолы и воздается «комужде по дѣломъ его!»

(*За сценой слышны голоса опричниковъ: «ведутъ! ведутъ! Убійца! Смерть Калашникову, смерть ему!..» Опричники съ саблями наголо вводятъ Калашникова, скованнаго цѣпями. Вяземскій останавливается въ дверяхъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Іоаннъ, Калашниковъ, Вяземскій, опричники.

Вяземскій (*въ двери*).

Уймитесь! Тише! Самъ царь будетъ чинить судъ и расправу.

Іоаннъ.

А! добро пожаловать, дорогой гость!.. Такъ это ты, мирный торговецъ, убилъ моего лучшаго слугу? такъ твоя окаянная рука поднялась на моего воина?

Калашниковъ.

Винюсь, царь—я убійца. Прикажи казнить.

Царь.

Какъ тебя зовутъ, чьего ты роду и за что ты убилъ моего любимаго опричника? По своей волѣ или

по чьему наущенію, нечаянно или съ умысломъ? Говори всю правду, а коли будешь лгать—вырву языкъ и велю бросить псамъ!

Калашниковъ.

Всю правду скажу тебѣ, царь—не зачѣмъ мнѣ лгать теперь: скоро, скоро предстану я предъ грознаго Судію!... Зовутъ меня Степаномъ Калашниковымъ; родился я отъ честнаго отца съ матерью, нѣтъ въ нашемъ родѣ ни разбойниковъ, ни ослушниковъ святой царской воли; давно извѣстны купцы Калашниковы Москвѣ бѣлокаменной, и я грѣшный жилъ по закону Господнему: не выходилъ на большую дорогу, не порочилъ чужой жены... Да знать врагъ попуталъ—осквернилъ руки кровью—и страшно, страшно мнѣ! Страшно не казни—я жду ее—она хоть немного омоетъ грѣхъ мой, страшно мнѣ предстать предъ судомъ Божиимъ! (*Опускаетъ голову и задумывается*). Убилъ я твоего опричника вольной волею, въ своемъ домѣ, а за что—не скажу тебѣ, царь, скажу только Богу единому. Царь! прошу тебя не оставь ты своей милостью мою молодую вдову, да братьевъ, которымъ я былъ за мѣсто отца.... Ты одинъ, царь, можешь утѣшить ихъ—они теперь сироты... сироты круглые, горемычные... (*Плачетъ*). Еще прошу тебя, царь, не вели сказывать моей молодой женѣ, что меня казнили: разорвется ее сердце отъ лютой тоски,—прикажи сказать, что умеръ я своей смертью!.. Теперь я готовъ. Ведите меня на лютую казнь—не боюсь я ее!..

Царь.

Хорошо тебѣ за правду, добрый молодецъ. Ладно, твои просьбы я исполню, порукой тебѣ мое слово царское...

Ну, а ты... ты ступай и сложи свою голову! я прикажу палача одѣтъ, нарядить, въ колокола прикажу звонить. пусть да знаютъ люди Московскіе, что и ты не оставленъ моей милостью...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Входитъ палачъ.

Палачъ.

Кланяется тебѣ, царь, рабъ твой, исполнитель воли твоей!

(Кланяется до земли).

Царь.

Ну, возмите его.

(Палачъ беретъ Калашникова, опричники окружаютъ ихъ).

Калашниковъ.

Прости, царь, простите и вы, люди добрые; помолитесь за мою душу грѣшную...

Іоаннъ.

Ну, простить тебя Богъ! Иди, сложи свою голову за смерть моего лучшаго слуги...

(Палачъ уводитъ Калашникова. Опричники идутъ за нимъ. За сценой звонъ колокола и крики: «смерть измѣнникамъ!» «да здравствуетъ на многіе лѣта царь Іоаннъ Васильевичъ!»).

Занавѣсъ падаетъ.
